

Эймонд умер в сиянии драконьего пламени, с кровью во рту и болью — мучительной, дикой болью, пронзившей его, как разрушительные толчки Рока.

Он помнил жар рева Вхагара, прохладный поцелуй валирийской стали и нежные, сладкие объятия вод Ока Бога, когда они смыкались над ним, увлекая его вниз, вниз, вниз, глубже в свои сокрушительные глубины.

— Ты слишком долго жил .

— В этом мы согласны , — ответил Деймон, грустный и усталый. Его дяде было сорок девять, тогда как Эймонду еще не исполнилось двадцати, молодому человеку в расцвете сил.

Эймонд улыбнулся. Резкий и жестокий — мстительный. -- Я пообещал сестре , милой Елене , сын которой был убит на ее глазах по твоему приказу : мое лицо будет последним , что ты увидишь перед тем , как я убью тебя , дядюшка . Это я клянусь ».

Око за око, сын за сына, принц за принца — земля превратилась в пепел, а реки стали красными, когда танцевали драконы.

Пальцы Эймонда вцепились в короткие цепи, которыми он был пристегнут ремнем к седлу Вхагара, отчаянно работая над пряжками. Вхагар погружалась на дно Божьего Ока, кровь хлестала из раны на ее шее, вскипятив воды озера, и Эймонд вместе с ними.

« Вагар , костилус! — закричал он, но не издал ни звука. Воздух вырвался из его легких, когда внутрь хлынула вода. « Советгон! ”

Все люди должны умереть.

Но Эймонд был драконом — сердцем, если не телом, духом и кровью, если не зубами и когтями, — и драконы могли жить вечно.

Смерть не может убить то, что никогда не умирает.

□□□

— Сколько еще?

— Ненадолго, — заверил он, крепко сжав ее липкую руку в своей. Несмотря на то, что он был меньше своих старших братьев и сестер, Эймонд был вдвое свирепее.

Свет факела мерцал, рисуя танцующие, омерзительные тени на стенах, и потускнел до едва заметного пламени, погрузив Эймонда и Хелену в почти осязаемую тьму. Они были глубоко в подвалах под Красным замком, обыскивая лабиринт проходов, и только клубок синей нити, привязанный к талии Хелены, удерживал их от полной потери.

Эйгон сказал им, что они найдут диких драконов под крепостью, а значит, проникнут глубже в камеры. Любопытство подстегивало ее, желание гнало его. Ни Хелена, ни Эймонд не летали верхом на драконе: яйцо, отложенное в колыбели Хелены, стало серым и превратилось в камень; в то время как Эймонд никогда не получал его. Яйца дракона были дефицитным товаром, и на момент его рождения в Ямах было только два — одно неприкосновенное, а другое было подарено Джакаерису, когда мальчик был еще в утробе матери. Король Визерис считал своего умершего первого сына от покойной королевы, а первенец-внук имел преимущество перед вторым сыном от второго брака.

— Я ненавижу темноту, — пожаловалась Хелена.

«История делалась ночью. Мы открываемся только во тьме, — ханжески процитировал Эймонд.

"Кто это сказал?"

— Какой-то мертвец, — последовал его легкомысленный ответ. Он обернулся, повернувшись, чтобы посмотреть на сестру, и тепло улыбнулся. «Открою секрет: я тоже ненавижу темноту. Вам когда-нибудь казалось, что оно смотрит на вас в ответ? Это делает для меня; Я ненавижу это».

— Нет, — ответила Хелена, по-совиному моргая широко раскрытыми глазами. «С чего бы это? Тьма — это просто отсутствие света. Когда поднимается тьма, встречает свет...

Из-за них внезапный порыв горячего воздуха пронесся по узкому проходу, погасив остатки факела, который держал Эймонд, и все, что еще хотела сказать Хелена, было заглушено ужасным, горестным ревом, раздавшимся по нижним камерам крепости. разрезая воздух, как сталь. Сами камни тряслись, стонали; пыль и мусор падают, как дождь, на братьев и сестер.

«Вагар», — сообразил Эймонд, сбитый с толку, и сделал движение назад, но Хелена схватила его за запястье.

— Ты не можешь, — сказала она, качая головой. В крошечной тьме Эймонд не мог видеть свою сестру, но все равно чувствовал прикосновение ее длинных волос к своим щекам.

— Хелена, отпусти меня! Она зовет меня».

— Ты закрыл на нее глаза, брат. Я не позволю тебе дать ей больше.

— Я не закрывал ни одного гребаного глаза, Хель. Оба моих глаза открыты. Отпусти меня, — прошипел Эймонд. Он тянул и тянул, но его запястье попало в тиски железной хватки Хелены. Его борьба была бесплодной; Старшая сестра Эймонда казалась силой сверхъестественной, непреодолимой силы.

Вдалеке рев Вагара превратился в пронзительный, отчаянный вой. Ему казалось, что его собственное сердце рыдает, разрываясь надвое. «Она плачет, я ей нужен».

Хелена ничего не сказала; она бежала по черному, как смоль, коридору, увлекая Эймонда все дальше в недра Красной крепости, все дальше и дальше от далеких лаев.

Когда они спускались по древним каменным ступеням, стены грохотали и стучали, как сердцебиение. Он чувствовал, как что-то разогревается в его груди и отзывается эхом от каждого пульса, отражаясь в нем, впиваясь в его кости и вживляясь в его костный мозг. Эймонд не знал, сколько времени они бежали — казалось, часы, а может быть, и минуты.

Он пошатнулся, споткнувшись о камень.

Когда он поднял голову, они были в Большом зале.

Стены тронного зала были увешаны драконьими черепами: черными, как оникс, отполированными до блеска, кости блестели, покрытые черной алмазной пылью. За их пустыми глазницами мелькали зеленое пламя лесного пожара, отчего по мраморным стенам прыгали и метались ужасные тени: мертвецы весело смеялись, из раскрытых ртов выползали

отсутствующие конечности с пиявками; дьяволы танцевали, черные как ночь, с длинными и змеиными языками. Из-за длинных изогнутых зубов, острых, как кинжалы, кипел свет — теплый, красный и полный угрозы.

Эймонд поклялся, что черепа драконов следили за ним; Огромная открытая пасть Балериона Черного Ужаса изогнулась в злобной ухмылке и...

— Ты должен разбудить дракона из камня.

Он обернулся и увидел свою сестру, стоящую у подножия Железного трона.

Вот только не Хелаена схватила его за запястье и потащила через лабиринт под крепостью. Сестра перед ним была взрослой женщиной: небольшого роста и гораздо более круглой, чем Эймонд, весь в острых углах. Лицо у нее бледное и восковое, костяшки пальцев в синяках, как фиалки, серебристые волосы тонкие и спутанные. Она выглядела такой же усталой и несчастной, как и Эймонд.

Он сделал шаг к ней и внезапно оказался перед ней, сжимая ее пальцы своими. «Хел...»

— Ты нарушил свое обещание, как я и мечтала, — печально прошептала она, глядя вдаль. «Ты не вернешься. Я прижимаю руки к ушам своего сердца, чтобы не возненавидеть тебя, брат».

Он отшатнулся, как от удара. Какие бы слова он ни хотел сказать, они застряли у него в горле. Милая Хелена была его любимой, самой драгоценной сестрой — странной и непонятой, мучимой своими мечтами. Ее объятия предлагали ему утешение и прощение, ее объятия были единственной ненавистью, которую он не мог вынести.

«Через мгновение я сделаю шаг вперед и полечу. Через мгновение ты упадешь и поднимешься... но прежде чем судьба свершится... дай мне это, — пробормотала она, протягивая руку и направляя его в объятия, маленькие ручки обхватывали его спину. Эймонд притянул ее еще ближе, пока они не оказались грудью к груди, мозолистая ладонь провела по ее волосам. Необъяснимо, его сердце плакало.

Она прошептала что-то нежное ей в плечо.

Эймонд прервал свои действия, не в силах расслышать ее слова. "Какая?"

Внезапно высокие узкие окна вдоль восточной и западной стен резко распахнулись. Стекло треснуло и разбилось вдребезги. Эймонд двинулся, чтобы прикрыть сестру, как раз в тот момент, когда стекло рассеялось по Большому Залу и впилося в его плоть — его руки, ноги, лицо. Ветер выл, и по залу пронесся холод, которого Эймонд раньше не знал.

— Хелена... — начал он, но остановился, его фиолетовый глаз расширился от страха.

Его сестра была призраком в бойне, целой и нетронутой. Она прошла сквозь его объятия, словно призрак, скользя по разбитому стеклу. Она развела руками, словно летящая птица, указывая на то, что находилось за стенами Большого Зала. Взгляд Эймонда проследил за движением, ожидая увидеть Королевскую Гавань, но вместо этого увидел...

Открытое небо, голубое, как сапфир в его глазу.

На мгновение он почти поверил, что находится на спине дракона, паря над облаками, так высоко, что он мог видеть. Где-то незримо кричала парящая птица. Насколько мог видеть его

глаз, горизонт был мрачным и негостеприимным: опасный скалистый горный хребет. Ряд за рядом заснеженных серо-зеленых вершин.

Для него это было красиво.

Рука коснулась его бицепса, и когда Эймонд посмотрел вниз, Хелена смотрела на него — сквозь него. Все следы девушки, которой она была, исчезли, перед ним стоял призрак в коже его сестры. «Твоя песня еще не закончена, Эймонд из дома Таргариенов. Ты должен разбудить дракона из камня.

«Разбуди дракона из камня», — эхом отозвались черепа Балериона и Мераксеса.

«Разбуди дракона», — глумились черепа Арракса и Караксеса.

Камень, камень, камень, пел череп Мелеев.

— Огонь и кровь, брат, — напомнила Хелена и толкнула его.

Слишком испуганный, чтобы даже закричать, Эймонд вывалился из окна и пустого воздуха. Не за что было ухватиться и не было дракона, на котором можно было бы скакать. Эймонд нырнул в небо, и острые горы устремились ему навстречу.

Эймонд почувствовал, как его голова раскололась, и мозги высыпались наружу.

Вдалеке завыл волк.

□□□

Эймонд резко очнулся, его сердце бешено колотилось в горле.

Сон, подумал он. Только сон.

И все же сон был добрее действительности: его тело представляло собой лоскутное одеяло из острой боли и пульсирующей ломоты — дышать было больно, грудь и спину тянуло; конечности онемели и стали тяжелыми, бесполезными; резкая головная боль почти лишила его сознания. Тем не менее, Эймонд выпрямился, с напряженными от усталости мышцами, оценивая состояние своего тела и окружающей обстановки. Он лежал на тонкой соломенной койке и с низким, сдавленным стоном свешивал ноги с ее края, пока босыми ногами не ощутил прохладный деревянный пол.

Где бы он ни был, было темно. Черный как смоль. У него может быть один глаз, но его ночное зрение было острым, он мог ясно видеть в условиях низкой освещенности, но не мог даже улавливать смутные, затененные формы...

Он был слеп. Осознание нарастало внутри него с нарастающим жутким ужасом, не вполне воспринимаемым как реальность.

— Ты проснулся, принц, — раздался голос, низкий и хриплый.

Эймонд бросился в бой, не обращая внимания на свои раны. Он поднялся на ноги и рванулся в сторону голоса, безжалостно схватившись с человеком. Они оба упали на пол с звучным трубным звуком. Бедрa Эймонда обхватили незваного гостя, сжимая его тело под собой коленями, не заботясь о борьбе, которую они устроили. Его руки блуждали, пока не нашли опору на тощей шее — его хватка была крепкой и твердой, несмотря на то, что когти царапали

его предплечья до крови.

"Где я?" — прошипел он, с трудом дыша и слегка сжав пальцы, чтобы побудить к правдивому ответу. Шеи были забавными вещами; хрупкий, уязвимый и легко ломаемый.

— Риверлендс, — прохрипела женщина — теперь Эймонд понял, что это была женщина, с которой он боролся, старая, маленькая и сморщенная. «Мальчик пошел ловить рыбу и вместо этого нашел тебя без сознания на краю Божьего Ока — как ты выплыл на берег, никто не знает; в полном латном доспехе чудом не утонул — и взял тебя ко мне. Потрепанный и синий, на тебе ни единого пятнышка, но живой. В течение трех дней и четырех ночей вы оставались в этой комнате, пока ваша лихорадка не спала, вас лечили и заботились. Ах, — прохрипела она, посмеиваясь, — я вижу, тебе лучше. Как там ушибленное плечо и бедро, и сломанные ребра? Доставляет тебе неприятности? Если это падение вы хотели, вам нужно только попросить. Я бы не сказал «нет». Ты красавчик, принц. Все серебряные волосы и чувственные губы. Поцелуй от тебя был бы сладок. Да, долгий небрежный поцелуй будет достаточной платой.

Отвращение Эмомда, должно быть, отразилось на его лице из-за того, что старуха захихикала. «Я стар, слишком стар. Никто не целовал меня тысячу лет. Тяжело быть таким старым. Тогда я буду танцевать, танец с драконом должен удовлетворить меня.

Терпение Эймонда истощалось. — Ты не получишь от меня ни поцелуев, ни танцев. Не желая расставаться со своей жизнью, ты ответишь мне скоро и верно: не нашлось ли еще кого-нибудь? Мужчина, высокий, как я, с седыми волосами и в черных доспехах?

«Демон», — мрачно подумал Эймонд. Где был Демон? В последний раз, когда он видел своего дядю, мужчина пронзал Темную Сестру своим сапфировым глазом, в то время как сам Эймонд по самую рукоятку вонзал кинжал в живот дяди. Тем не менее, Эймонд жил, значит, Деймон тоже мог. Если бы он это сделал, Эймонд не знал бы покоя, пока не забрал бы голову своего дяди. Он уже был братоубийцей, проклятым и проклятым; что добавляло к его списку грехов убийство еще одного члена их быстро сокращающегося генеалогического древа?

«Никого, кроме тебя и мальчика, вокруг не было на многие мили. Если воды Ока Божьего отвергли кого-то другого, то теперь они стали пищей для рыб».

Слова женщины немного сняли напряжение с плеч Эймонда. Другой его глаз был достойным обменом на жизнь Деймона Таргариена. Хелена не поблагодарит его, но их мать поблагодарит.

Он ослабил хватку на шее женщины, но руки остались на ней, указательный палец на ее пульсе. Это было удивительно сильное и ровное сердцебиение для такого старого человека, не дрогнувшего под его вопросами. Он не заметил от нее никакой лжи; однако его беспокоило, насколько она невозмутима из-за его угрозы.

«А мой дракон? Где мой дракон? »

«Какой дракон? Драконов больше нет, принц.

— Где Вагар? — прорычал Эймонд. «Где мой дракон? Она не расстанется со мной».

— Нет... ты с ней расстался, — скорбно сказала женщина, ее прикосновение к его предплечью почти успокаивало, — мою девушку у меня тоже забрал другой принц. Она танцевала в замке, а теперь танцует с призраками, а у меня остались только печали и непреодолимое горе».

Что-то кислое и неприятное поселилось в желудке Эймонда, даже когда узнавание расцвело.

Если и был один тип женщин, которых он знал, как возбудить, так это ведьмы.

«Ты вернешься», — провозгласила в его памяти Элис после того, как он поцеловал ее, глаза цвета дикого огня загорелись целеустремленностью и убежденностью. -- Я это предвидел.

— Скажи мне, — тихо сказал он, отпуская старуху и удаляясь, — что случилось?

— Ты мне приснился, драконий принц, звездное дитя, — вместо ответа сказал дровосек.
«Судьба жестока, что привела меня к тебе — принцу, крови дракона, сыну горя и раздора. Прежде, чем ваше время истечет, вы проглотите боль. Ты будешь лежать со змеей и пить из нее яд, вкус которого слаще меда. Она принесет тебе радость или убьет тебя, темное сердце. Долг не выплачен, и твоя судьба не высечена на камне».

Бессознательно Эймонд коснулся своего непокрытого глаза. "Долг..."

— О, ты снова увидишь дневной свет, — некрасиво фыркнула она. «Вы ударились головой о что-то сильное, и кровь скопилась у вас в черепе, от давления вы временно ослепли. Тебе повезло, что удар, который ты получил, не размягчил твой разум.

«Какие новости из Королевской Гавани? Как король? — подсказал Эймонд, пытаясь направить разговор в нужное ему русло.

— Король мертв, — сказал дровосек, и Эймонд вздрогнул. «Да, короли мрут как мухи. Король кракенов, король цветов, король волков и король львов — король-олень тоже недолго проживет».

В висках Эймонда запульсировало, голова закружилась. Ясность ума и сила, которые он приобрел с приливом крови, угасали, а травмы и потеря крови настигали его. «Короли?» — пробормотал он тонко. — Есть только один король — мой брат Эйгон. И эта узурпаторская шлюха, его сводная сестра Рейнира, но она не была королевой. Эймонд отказался назвать ее так.

Он попытался встать с того места, где сидел на корточках, но его ноги подкосились. Он стиснул зубы, слепо цепляясь за что-нибудь, пока не нашел деревянный табурет и не поднялся с его помощью на ноги. Он пошатнулся и почувствовал, как мозолистые руки схватили его за предплечья.

— В наши дни самые разные люди называют себя королями, — объяснил дровосек, беря Эймонда за руку и направляя его к койке. «Сегодня в королевстве столько королей, сколько пенни».

Она уложила его в постель, натянув на него одеяло, и положила руку ему на перед, ее прикосновение было приятно прохладным. Когда он задремал, то услышал вдалеке ее голос, тихо шепчущий:

«Мир, принц. Во тьме вы встретите своих создателей: рожденных монстров и созданных монстров. Кого ты увидишь там в темноте? Когда никто не смотрит, кем ты будешь?»